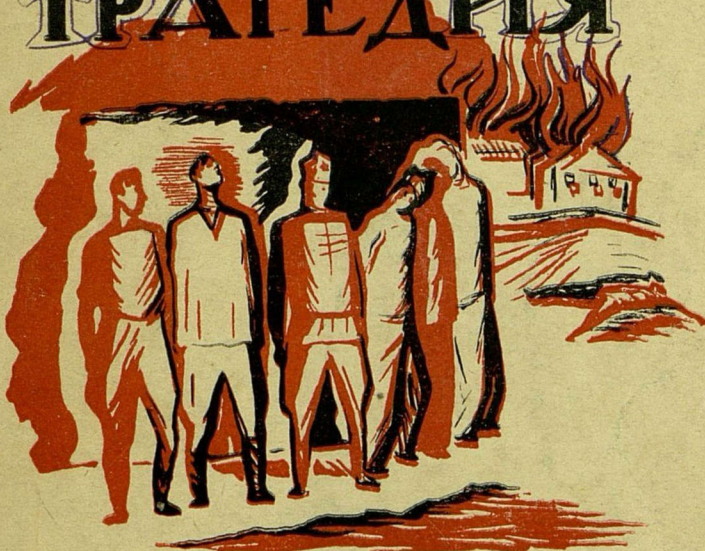

91922

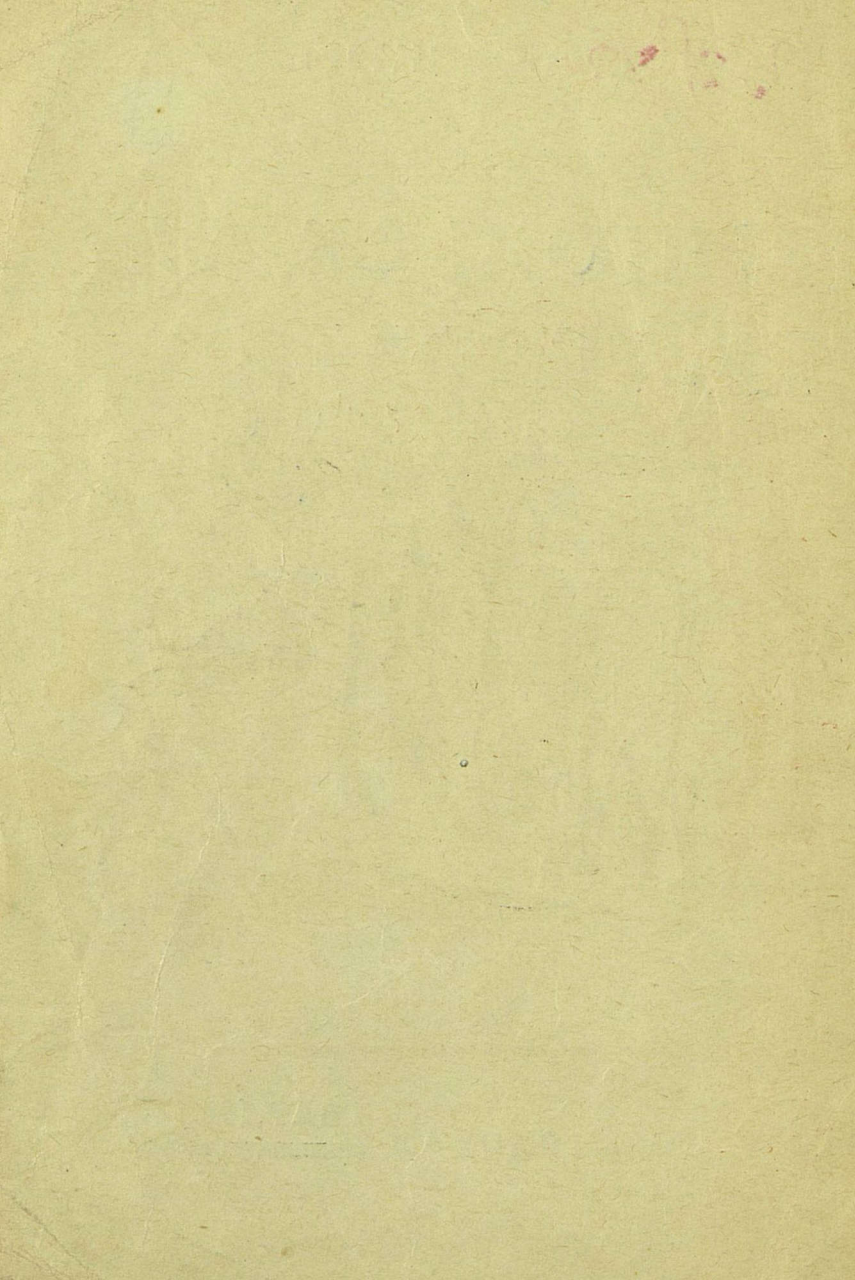
Н. Рубиновский

ТРИПОЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

МОЛОДАЯ **ГВАРДИЯ**

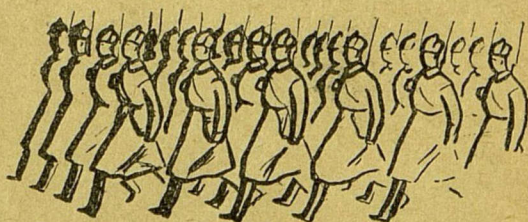
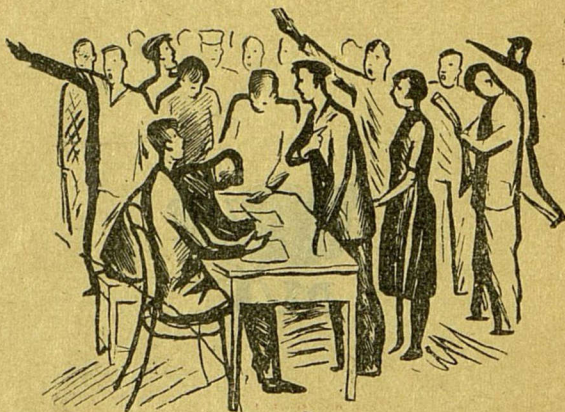
1930

Даеш мобилизацио Кашанала!

БИБЛИОТЕКА ПИОНЕРА. СЕРИЯ: ПИОНЕРУ О МИРОВОМ КОМСОМОЛЕ

И. РУБАНОВСКИЙ

P82

ТРИПОЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО И
СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

1930

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ
„РАБОЧИЙ ЛЕНИНЕЦ“
ИЗД-ВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“,
МОСКВА, Б. ВУЗОВСКИЙ, 1.
главлит №А 70.994.
тираж 15.100 экз.
заказ № 1348.
мг № 4608.

~~57 с.п.~~

~~153 с.п.~~

~~14075~~

141065

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

645453 кх рег.

Российская государственная
детская библиотека

...Как наши братья умирали,
И умереть мы обещали
И клятву верности сдержали...

~~А. Пушкин~~
Л. Мухоморов

...памятником будет постр-
енный

в боях
социализм.

В. Маяковский

Будни

ДЕЛЕГАТЫ уездного съезда профсоюзов слушали речи своих ораторов, обсуждая озабоченно и оживленно важные вопросы о выработке тарифной сетки, о размерах отчислений с жалованья в соцстрах и прочих неотложных проблемах.

За окнами—ночь, поля, огромное небо, трепещущее то ли огнями заката, то ли далеким пламенем горящих деревень.

Но вот внеочередное заявление—резкое, короткое сообщение человека в порыжевших сапогах, забравшегося на трибуну.

Он не профработник, он — человек другого дела, но властно и нетерпеливо он предлагает съезду изменить порядок дня, внеся на повестку новый вопрос. Человек нервно прижимает к боку кобуру нагана, он говорит тоном приказа, делегаты слушают его, слегка привстав со своих мест. И когда человек с наганом кончил свою речь, уездного профсъезда уже не было—была ударная рота радомысльских профсоюзов. Командиры профсоюзов превратились в рядовых бойцов. Они двинулись с песнями к арсеналу, они положили в карманы карандаши

и блокноты и взяли в руки нагааны и винтовки. Тихо и незаметно ушли в ночь, в поля, под огромное степное украинское небо. Ибо очередное заседание уездного съезда профсоюзов было отложено. Ибо чтобы решать очередные дела, нужно было сначала решить внеочередное — отбить наступление повстанческого полка бандита Соколовского.

А через десять часов, прямо с поля битвы — назад, в зал съезда, и на очередном заседании было предоставлено слово оратору, не успевшему на предыдущем заседании до конца развить свою точку зрения на основные задачи в области охраны труда, стоящие сейчас перед профсоюзами и советской властью.

Оратор — тот же белокурый юноша, с лицом, измятым бессонной ночью и огромной перевязкой на лбу, которой не было еще вчера, когда он начал свою речь.

Другие люди, днём делавшие свое дело в комхозе, наробразе, на фабрике и заводе, наскоро пообедав, маршировали по городу с винтовками, проходя всеобщее военное обучение. Вот, молодая женщина, идущая во второй шеренге первого взвода; в ее фигуре нет легкости, ибо она беременна, она задыхается при ходьбе и часто поправляет сползающую с плеча винтовку. Ротный, слегка помявшись, с застенчивой неловкостью отзывает женщину в сторону и просительно говорит ей что-то. Голос командира не слышно, но слышен звенящий голос женщины:

— Нет, товарищ, это не подходит! Если меня захватят бандиты, все равно убьют как коммунистку. Я предпочитаю умереть, сражаясь за коммунизм и за Советскую республику.

И она снова занимает свое место во второй шеренге первого взвода.

Словом, во всем этом—будни украинского пролетариата, будни лета 1919 года.

Там, в полях, грохотали беспорядочные выстрелы, там глухо волновалось огромное крестьянское море. И не было дня, чтобы не привозили в город трупов коммунистов-рабочих и красноармейцев—с вырезанными на груди и спине, на лбу и щеках пятиконечными звездами. Так мстили „атаманы“. Так начинал мстить человек, имя которого произносилось вначале с недоверием, а потом с презрением и ненавистью.

Зеленый хочет стать красным

Откуда он взялся, этот человек?

Студент Киевского университета, потом военный писарь, Даниил Терпилло родился в том самом месте, которое прокляло его, изменника и предателя, которое он сделал ареной жестоких и бессмысленных боев, залил кровью и завалил трупами лучших рабочих и крестьянских сынов.

Кончалась гетманщина. Ее фитиль догорал, дымя и чадя, никого уже не зажигая.

Тогда загремело впервые имя Петлюры. Он казался крестьянству почти большевиком, этот генерал без эполетов. Он говорил громкие слова и делал громкие дела. Он находил людей для своих частей, знаменитых „сичевых стрельцов“, людей, которым **было** что терять, но которые **не хотели** ничего терять.

Петлюра вошел в Киев, и „сичевые стрельцы“ стали его опорой, огромным стальным кулаком,

внешне обеспечивавшим его властвование. Директория—правительство, состоявшее из представителей украинских эсеров, меньшевиков и иных партий, не было особенно прочным, начинало ползти по швам. Тогда эсдеки начинают что-то бормотать о необходимости совместной работы с большевиками.

Но над всеми такими предложениями эти упрямые люди только смеялись, называя их бессмысленными, и отвергали.

Большевики были заняты другим: они агитировали в петлюровских частях, доказывая мужикам, что хрен редьки не слаще, что петлюровская директория так же защищает власть помещиков, как и гетманщина, против которой борется „революционный“ Петлюра.

Медлительные украинские бородачи задумчиво чесали затылки и расходились по домам, захватывая с собой „на всякий случай“ оружие. Тогда Петлюра издает приказ о том, что землю получают только те, кто принимал участие в свержении гетмана и кто дальше будет служить в армии до замены стариков заново мобилизованной молодежью.

Это только подлило масла в огонь: все устремились домой. Днепровская дивизия, состоявшая главным образом из крестьян Киевского уезда, численностью до 8 тысяч человек, забрала оружие, свыше 20 пулеметов, пушку и ушла в Киевский уезд, рассыпавшись небольшими группами. Кое-как удалось собрать разбежавшееся воинство.

Петлюра, зная большевистский дух, царивший в дивизии, не хотел выдавать ей оружия и лишь в последние дни, когда на помощь гетману пришли немцы со своей артиллерией, Петлюра, скрепя

сердце, должен был подчиниться. Во главе дивизии встал житель местечка Триполье—студент Киевского университета Даниил Терпилло (партийная кличка „Зеленый“).

Терпилло - Зеленый, по его словам, принадлежал к партии эсеров. По свержении гетмана честолюбивый Зеленый рассчитывал на руководящую роль в движении. Но Петлюра, помощником которого стал Зеленый, посмотрел на дело иначе.

Зеленый получил приказ отправиться с дивизией в Галицию для войны с поляками, осаждавшими Львов. Дивизия категорически отказалась от этого похода. Зеленый взялся за агитацию, и ему удалось набрать 600 человек добровольцев, которые были отправлены в Галицию. Сам Зеленый, однако, с ними не поехал.

Когда Петлюра увидел, что Днепровской дивизии больше не существует, он махнул на Зеленого рукой: у него достаточно офицеров и нет надобности в партизанах.

— Ну что же, не с Петлюрой, так еще с кем-нибудь, хотя бы с большевиками!— решает неунывающий Зеленый. Военный писарь продолжал бредить лаврами героя: он чувствует себя рожденным командовать—безразлично кем, и властвовать—безразлично над кем. И вот Зеленый возвращается в родное Триполье. Он слушает рассказы вернувшихся с польского фронта мобилизованных добровольцев, тех самых, которых он организовал в качестве петлюровского командира. Приехавшие недоуменно рассказали о том, что их привели в Черновицы и заставили усмирять восставших против помещиков крестьян. Трипольские, обуховские, григорьевские мужички отказались бить своих же бра-

тьев—мирных хлеборобов и, обезоруженные „сичевиками“, вернулись обратно.

Зеленый бродил из хаты в хату, слушал, кусая губы, эти разговоры и понял, что нужно брать в руки другой инструмент.

— Конечно, лучше советской власти ничего не придумаешь! Нужно кончать с этой сволочью Петлюрой! Нужно готовить восстание!—кричал он.

На Зеленого посматривали искоса, мужички подозрительно хмурили лбы: не их ли уговаривал Зеленый ехать под Черновицы?..

— Надо нового атамана, чтобы был большевик,— толковали они между собой.

— Так, господа, я-ж большевик и есть! — заболелся Зеленый, — доверьтесь мне, я в два счета расправлюсь с Петлюрой...

— Обманет опять,—говорили крестьяне,—в значительной своей части принадлежавшие к безземельной гольтыбе.

Велико было в эти дни колебание украинского батрака-селянина. Трудно им было разобраться в очень сходных по форме (но решительно разнящихся по существу) лозунгах. Тем более трудно, что эсеровские ораторы козыряли в речах фразами, встречающимися у большевиков: „земли и мира!“, „да здравствует власть советов!“, да и основное требование большевиков—„диктатура пролетариата“—походило в глазах полуграмотных бедняков на эсеровское— „власть трудящимся“.

— Почему же Зеленый да вдруг обманет, когда он самый правильный большевик! Что вы, суконные рыла, понимаете! Что такое „диктатура пролетариата“ большевистская? Диктатура— значит власть. Пролетариат—это вот мы с тобой, Митричем, да

с Тарасом Ивановичем, те, которые вообще трудятся, каждый на свой манер. А Зеленый чего требует? **Власти трудящимся**, стало быть этой самой большевистской **диктатуры**, только как ближе он нам, мужикам, то и выговаривает этот лозунг попроще, — орали на всех митингах и сходах пропагандисты бандитского батьки и его верные компаньоны-собутыльники из кулаков, — а вы говорите — обманет! Да ни в жисть!

— А вдруг да обманет? Ездили мы под Черновицы, знаем... — колебалась наиболее классово-устойчивая часть бедняков-незаможников, хотя ряды ее быстро таяли.

— Не бойтесь, не обманет, — уверяли сторонники Зеленого: — он предан народному делу. Вы видите, он до сих пор даже шинели новой не завел, а ходит в рваной, хуже, чем все казаки.

Тем временем Зеленый носился по селам и деревням, призывая крестьян к восстанию против „собаки Петлюры“.

Через короткое время он создал какой-то штаб, ему уже начинал верить подпольный исполком.

Зеленый регистрирует оружие и составляет дружины. Все обстояло бы прекрасно, если бы Петлюра, прослышав о готовящемся восстании, не вздумал двинуть на Триполье своих сичевиков. Зеленый составляет план обороны Триполья и заявляет исполкому, что готов к бою с сичевиками.

Однако в решительный момент, когда военный совет решил временно эвакуироваться, Зеленый загадочным образом исчезает: во время предварительных переговоров военного совета с делегацией сичевиков — последние потребовали выдачи этого героя.

Все же дни Директории были сочтены. В последние дни борьбы с ней Зеленый не устает кричать о том, что, вот, и большевики верят ему и участвовали в его штабе, что и у него, Зеленого, те же лозунги, что у коммунистов, что и он за „власть трудящихся“, что у него разногласия только по национальному вопросу: он-де, Зеленый—эсер, а за ними, за эсерами,—украинское крестьянство и рабочие, а за большевиками русские рабочие и крестьяне.

И он, Зеленый, обеспечивает этот необходимый союз.

Директория пала. Киев занят красными войсками. Население приветствует большевиков и советскую власть. Но та не особенно расположена к суетливому Зеленому, плечи которого тоскуют по расшитым генеральским эполетам, а руки—по власти.

Чуть ли не на другой день после победы над Директорией и занятия Киева советскими войсками Зеленый пытается вступить с Совнаркомом Украины в переговоры. Он требует—не смейтесь!—чтобы Совнарком разделил власть с организацией левых эсеров.

Конечно, эти притязания были отвергнуты. Зеленый объявляет себя сохраняющим „нейтралитет“. Тем временем в родном и испытанном Триполье он не теряет времени, он занят „разъяснением“ крестьянству, что такое большевизм и советская власть.

Но вот атаман Григорьев вместе с левыми эсерами и эсдеками создают повстанческий комитет и посылают Совнаркому ультиматум: сдать ему власть не позднее, чем в трехдневный срок.

Зеленый понимает, что его время пришло. Он собирает несколько сот вооруженных людей, подходит к Киеву и, воровски кося по сторонам, бормочет что-то о необходимости со стороны соввласти контакта с ним, Зеленым, в противном случае он...

— Вливайся в Красную армию или складывай оружие,—было ему ответом.

— Ах, так...

Этот полукомический эпизод послужил прологом к трагедии, разыгравшейся на холмах Триполья.

„Я еду, записывай меня...“

В небольшой боковой комнатке, на одной из центральных улиц Киева, собралось несколько десятков молодых ребят.

Деникин, Донбасс, Зеленый, Григорьев — эти слова чаще остальных звучали в устах собравшихся.

Заговорил докладчик. Его слушают внимательно, как бы ожидая, что вот, с минуты на минуту, будут сказаны самые важные, самые необходимые для всех собравшихся слова.

Докладчик кончил речь, вот уже читается резолюция, в которой указывается „необходимость пролетариату России напрячь все силы до наступления мировой революции“, что „задачи союза необходимо приспособить к серьезному положению Советских республик“, что „необходимо, наконец...“ Резолюция окончена, но почему же в ней нет самых необходимых слов?..

— Почему нет в резолюции ничего о необходимости отправиться всему союзу на фронт?—обра-

щается в сторону докладчика и президиума подросток лет семнадцать.

— Верно, молодец, Патриевский! Дашь мобилизацию комсомола!—зазвенели голоса, и это, кажется,—единственное из всех предложений, принятое единогласно, хотя оно и вызвало немедленно спор, но по другому поводу:

— Кому остаться?

— Пусть останется Миша Ратманский!—раздались голоса.

Молодой пролетарий поднимается с места и решительно бросает:

— Ни за что, ни в коем случае...

— Пусть останется тогда Шутка!

Неловко оправляя пояс, подбегает к столу президиума тот, кого зовут Шуткой. Его голос дрожит, он никак не может начать речь.

— Товарищи... этого нельзя делать... Я не могу, понимаете, **не могу** остаться здесь для комитетской работы. Я не думаю ничего плохого о ней, но я должен, понимаете, **должен** ехать... Я—выходец из интеллигентской семьи и я должен доказать, что и я.. что и я—боец, а не...—он остановился, захлебнувшись волнением.

— А если мы постановим, чтобы ты остался?—задорно спрашивает кто-то.

— Я поеду на фронт, **несмотря** на это постановление, можете меня исключить!—почти в отчаянии прокричал юноша.

— Молодец, Шутка!

— Правильно, пусть идет...

— Я тоже еду, записывай меня!—властным тоном проговорила, подойдя к столу, совсем молоденькая девушка, почти девочка.

— Как, и ты хочешь итти, Люба?

— Ребята, Аронова тоже хочет итти бойцом!..

— Девушек не пускать.

— Они будут полезнее здесь, в тылу.

— Ребята, как не стыдно. Это позор говорить так! Позорно оставаться в городе, когда на фронте дорога каждая боевая единица! Я отправлюсь вместе с другими на борьбу с бандами.

Голубые глаза девушки засверкали, она почти прокричала эти несколько фраз и... она победила. Она доказала право комсомолки носить винтовку и стрелять во врага.

... Но ведь это был съезд комсомола. Вы скажете, что изображенное здесь не похоже на съезд. Вы спросите, может быть, читатель, чем же кончился этот съезд? Вы поинтересуетесь даже, были ли приняты там резолюции и что они гласили?

Резолюции были приняты, и самая важная из них была величественно проста и немногословна:

„Всех членов союза объявить мобилизованными“.

„Владеющих оружием и годных к военной службе отправить на фронт“.

На Зеленого

Были ли вы на море во время бури? Ветер завывает в парусах, гигантские валы заливают палубу, рвутся и трещат снасти, и каждая новая волна готова стать кладбищем, могильным холмом над местом гибели десятков и сотен людей. Пассажиры мечутся и кричат, они могут только молить о спасении, они со страхом смотрят в черный туман, в ночь и цепенеют от ужаса.

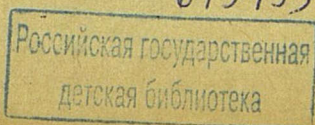
И только команда корабля четко и бесстрашно делает свое дело, только голос капитана, отдающего приказания, спорит с ревом бури. Знает каждый матрос: вот нужно лезть на ванты, нужно снимать одни паруса и ставить другие, зацепившись немелкими руками за верхушку мачты, качающуюся, как гигантский маятник. Знает команда, что гибель корабля—их гибель и спасение только в одном— в отваге, в беззаветной преданности каждого из них делу спасения корабля.

Но что—обычное море и что обычный корабль?.. Какие ветры дули в стране Октября в 1919 году, какие штормы бушевали в те замечательные годы, прошумевшие над нами!.. У кого не закружилась голова, многие ли сердца не были скованы страхом и отчаянием? Кто был командой на этом корабле со 150 миллионами пассажиров?

Знаете ли вы украинские ночи? Не те, которые воспел Гоголь и Пушкин (помните: „Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут, своей дремоты превозмочь не хочет воздух...“), а ночи тысяча девятьсот девятнадцатого года, когда небо, может быть, и было попрежнему прозрачно и так же блистали звезды, но совсем не были „тихи“ те ночи. Штормы революции до небес вздыбили огромное крестьянское море нашей страны, и в этом море шныряли акулы; хищникам казалось, что пришел их час, настало их время, когда стонали снасти и рвались паруса.

Наш рассказ—о команде одного из кораблей пролетарской революции, отчаливших в Октябре 1917 года к социализму. Ее капитан—партия большевиков, горсточка храбрецов из подполья, пришедшая на командирский мостик и поведшая за собой рабочий

675453

класс. И вот—шквал контрреволюции, вздыбленное море крестьянской стихии, мутное море, море, взбаламученное хищниками, бушует и рвет снасти пролетарского корабля, на буксире ведущего за собой необъятную страну в счастливую бухту социализма.

И если сейчас наш корабль смело и уверенно идет своим путем, если рулевой смело правит к намеченной цели, то мы, команда, стоящая на сторожевых постах сегодняшнего дня, должны **ПОМНИТЬ** о стоявших на вахте в те, ушедшие навсегда, но навеки памятные и великие, навеки хранимые в наших сердцах „украинские ночи“.

О тех, чью историю жизни и великой гибели мы зовем „трипольской трагедией“.

О тех, чьи имена дошли до нас восемью десятками фамилий...

* * *

Итак, предложение съезда комсомола было принято единогласно. И, ах, как умели в те дни комсомольские съезды выполнять свои решения: комсомольцы спорили за право выполнить это единогласно принятое постановление—отправиться на фронт, на смерть, на бой с врагом, с бандами предателя Зеленого, укрепившегося в Триполье и угрожавшего Киеву, убивавшего коммунистов, комсомольцев и советских работников.

Зеленые были препятствием на пути корабля пролетарской революции, и знала команда одно: **нужно уничтожить препятствие**, снести его, чтобы корабль мог плыть дальше.

Итак, комсомольцы дрались тогда за право умереть, ибо они знали—все до одного знали!—что

немногие вернутся обратно к отцам и матерям, к сестрам и братьям, к родным комсомольским клубам. Знали, что не они будут пожинать плоды победы, но что их капли крови будут алеть на знаменах победы.

* * *

Вы думаете, это понимание близости смерти хоть на минуту изменило характеры тех, кто в ожидании отправки на фронт, нетерпеливо отсчитывая короткие дни, жил в казармах, учась маршировке и стрельбе? Нет, нисколько. Вечерами звенели песни — те самые, которые сейчас поем мы за „беседами у костров“, на прогулках и экскурсиях, в ожидании затянувшегося открытия общего сбора отряда. Комсомольцы беседовали с красноармейцами, они объясняли простым крестьянским сынам великие цели пролетарской борьбы, они организовали в казармах клубную работу, в каждое самое маленькое дело внося настроение бодрости и энтузиазма.

Надев красноармейские шинели, комсомольцы не перестали быть комсомольцами. После длинного утомительного дня военной учебы, усевшись на нары, ребята подолгу и с азартом обсуждали боевые вопросы комсомольской работы, спорили до хрипоты о преимуществах системы коллективов, к которой тогда переходили, над системой кружково-групповой и т. д. Они думали о том, как слаба еще работа комсомола в деревне, о том, что огромная часть деревенской молодежи идет в григорьевские, зеленевские и другие банды и отравлена ядом национальной ненависти, чувством злобы по отноше-

нию к молодежи пролетарской, городской. „Роль комсомола,—рассуждали они,—не может ограничиться тем, что городская молодежь должна уничтожить ту часть деревенской молодежи, которая сейчас пошла в банды и, предводительствуемая кулаками, борется против тех, кто стоит за „коммунию“.

Нет, задачи комсомольцев в красноармейских шинелях были намного сложнее.

„Каждый отправляющийся на фронт должен быть одновременно и агитатором, он должен изучать возможности организации крестьянской молодежи“, решили ребята про себя.

„В самом деле, это будет замечательно: занять село и тут же организовать комсомольскую ячейку!“

„Отмечать победный военный путь Красной армии звеньями новых комсомольских организаций!...“ мечтали многие.

Нет, и в казармах, поминутно ожидая отправки на фронт, комсомольцы остались комсомольцами.

Даже выборы делегатов на Всеукраинский съезд комсомола были проведены в казармах: именно там находилась едва ли не большая часть киевской организации.

Только одним были недовольны ребята: почему их не отправляют немедленно? В казармы к ним приходили немногие из оставленных для комсомольской работы, они с завистью смотрели на плохонькое военное обмундирование, на винтовки и патронташи своих уходящих на фронт друзей.

Но вот затрубил рожок горниста. Бывшие металлисты, швейники, булочники выстроились в шеренги во дворе казармы, последние приветственные крики растаяли за их спинами. Грянула песня:

Смело мы в бой пойдём...

Ушли, чеканя шаг, поблескивая на солнце дулами винтовок. Ушли, чтобы не вернуться назад. Но об этом после...

Да, еще одно: во время недолгой стоянки приходили в казармы девушки. Они являлись к командиру, спорили и настаивали, но им не везло, и они уходили обратно. И лишь перед самым отправлением полка последняя попытка увенчалась успехом: пятеро из них были приняты в полк в качестве сестер милосердия. Счастье принятых было так же велико, как и печаль их подруг, оставшихся в тылу. Словом, за стройными шеренгами ребят шагали пять девушек, пять комсомолок, из которых самой старшей вряд ли было восемнадцать лет..

* * *

Итак, Зеленый, ты требуешь, предатель, в три дня—не позднее—сдать тебе власть. Ты хочешь, чтобы рабочие и крестьяне-бедняки стали перед тобой на колени и вымаливали „прощение“ и пощаду.

Ты думаешь стать маленьким Наполеоном или, на худой конец, Петлюрой. Ты, эсеровский атаман, ты, вооруженный кулак не желающего сгибать свою спину кулачества, хочешь уничтожить то, что уже завоевано украинским пролетариатом и крестьянской беднотой—их право на власть, на самостоятельное управление своей страной, их право жить, наконец, по-человечески.

Ты знаешь, Зеленый, что на востоке, с Дона, наступает на красную Москву Деникин, что из Сибири подбирается к горлу пролетариата Колчак, ты хочешь выпустить на украинский пролетариат свору взбесившихся кулацких сынков...

Да, Зеленый двигался на Киев. Он уже отрезал город от подвоза продовольствия, его налеты—неожиданные, неуловимые—резали военные планы нашего командования. Он собрал под своими знаменами „социалистического“ бандитизма вооруженную толпу в двадцать тысяч человек, он мстит за непринятый ультиматум и в своем Триполье обдумывает план окончательного, последнего удара, в результате которого должен пасть красный Киев.

Итак, комсомольцы, туда, на Триполье, на Зеленого, которого только его собственная кровь может окрасить в красный цвет.

Итак, вперед, комсомольцы, на Зеленого, на Триполье, и пусть мирно и гордо развевается красный стяг над всей Советской Украиной, над всей рабоче-крестьянской страной!

* * *

За шестьдесят километров от Киева, там, где Днепр разливается особенно широко, оставляя на противоположном берегу болотистые островки и протоки, заросшие осокой и камышом, на холмах, высоко над Днепром, приютилось местечко Триполье. Там Зеленый, эсеровский демагог, сумел обмануть крестьянскую бедноту, подсунув ей, вместо сходного по форме лозунга **диктатуры пролетариата**, лозунг: „Власть—трудящимся“, лозунг, загадочным образом нравящийся также буржуазии и кулакам.

* * *

А теперь мы последуем за уходящим в Триполье нашим отрядом.

Первая катастрофа

Настроение уходивших было все же не совсем спокойным. Действующий фронт представлял собой линию в несколько тысяч километров, и самые подготовленные военные части приходилось бросать на борьбу с белогвардейскими генералами на севере, востоке и юге. На „внутреннем“ фронте—не менее опасном—приходилось использовать наскоро сколоченные отряды, в которых было немало подозрительных, недостаточно проверенных элементов. Их и должна была цементировать горсточка комсомольцев и рабочих.

Комсомольский отряд влили во 2-ой Киевский полк и распределили по ротам. Вскоре выяснилось, что политическое состояние полка не из блестящих.

Большинство его состояло из темных, несознательных красноармейцев, многие из них бывали раньше в антисоветских бандах. Они с самого начала похода почти не скрывали плохого отношения к советской власти и комсомольцам, находившимся в частях. Произошла одна из ошибок, которую трудно было предусмотреть на месте. В боевые способности такого отряда верить не приходилось, а между тем другие силы собрать в то время было почти невозможно.

Темная дума залегла в груди комсомольцев, шагавших по направлению к Триполью. Но назад пути уже не было: операция была срочной. Стиснув зубы, нужно выполнить боевой приказ.

Несколько сотен пар сапог мерно отстукивают торопливый марш. Десять, двадцать километров, тридцать километров отмерены и остались за спиной. Все ближе и ближе расположение противника,

с каждой минутой возрастает опасность, все ближе и неотвратимей минута революционного боя.

— Ребята, сорок верст уже отмахали, вон там, впереди, местечко Обухово!—раздался чей-то оживленный голос. И в неуловимых нотках его сквозила уверенность в победе, презрение к врагу, боящемуся принимать бой и потому поспешно отступающему

Вдали, на самом горизонте, показалось облачко пыли; оно росло и быстро приближалось, какой-то кавалерийский отряд скачет бешеным аллюром.

Прозвучали слова команды, отряд развернулся, готовясь принять первое крещение огнем.

Все ближе и ближе всадники... Кто они? Зеленовцы или...

— Ребята, свои!

Горстка кавалеристов остановила бешеный скок своих коней около командира.

Лучше было бы принять бой, сражаться, гореть в огне битвы, чем так вот, в привычном боевом строю, слушать страшный рассказ вестников горя, примчавшихся на взмыленных лошадях.

... — Вчера наш отряд из 150 коней въехал в Обухово. Бандитов — ни следа. Разместились по избам, легли спокойно спать. Под утро раздается громовое „ура“ бандитов. Наши оказались захваченными врасплох... Не успели даже одеться, выбежать... Почти все перерезаны... Вот только мы из ста пятидесяти уцелели...

Спасшихся легко, слишком легко было пересчитать.

Налицо всего 8 человек.

Спаслось восемь человек...

Из ста пятидесяти.

Это — страшная расплата за неосторожность. Это — боевой опыт, правда, купленный слишком дорогой

ценой. Было ясно, в местечке засели бандиты: спрятанные местным, в большинстве кулацки настроенным населением, вооруженные с головы до ног, они сумели обмануть бдительность нашего отряда.

Такова была обстановка борьбы в то время. Такова „техника“ и „тактика“ борьбы бандитской армии, дравшейся под эсеровскими „социалистическими“ знаменами.

Однако для долгих размышлений и сетований нет времени: нужно двигаться дальше.

Смущен ли все же хоть немного дух молодых бойцов? Может быть, вернуться назад? Вспомнить о матери, о книжках, о друзьях, оставшихся там, на родине? Над этим задумался кто угодно, но только не комсомольцы.

Нет, они хорошо знали, что во имя отцов и матерей, во имя самих себя, во имя будущего своих братьев по рабочему классу нужно одно: не давать пощады бандитам. Дать друг другу комсомольское слово—драться до конца, на смерть, со стиснутыми зубами.

Каждый комсомолец дал себе это слово. Великий гнев их перелился в великое спокойствие и решимость.

Отряд двинулся дальше, пыля по нагретой палящими лучами солнца дороге.

„Продовольствие не получено“

Обухово занято. Бандиты отступают— у них, видимо, нет шансов устоять перед наступательным маршем красных. Ночлег. Забрезжило утро. Бойцы поднимают головы, еще налитые свинцовой усталостью.

Бах, бах, ба-бах! — гулко разрываются тяжелые снаряды.

— Наши палят с бронепарохода, — расцветают радостными улыбками лица комсомольских бойцов. В самом деле, канонада раздается со стороны Днепра.

— Вперед! Враг в Триполье, оно должно быть взято!

Слова боевой команды. Застрекотали пулеметы, зачастили винтовочные выстрелы. И вот, через несколько часов непрерывного наступления наши отряды у самого Триполья. Шаг за шагом, пядь за пядью сдают свои позиции отступающие зеленевцы.

У самого села бой разгорается с утроенной силой. Сопrotивление бандитов возрастает. Все чаще грохот ружейных выстрелов и гулкие разрывы снарядов над Трипольем. Вот взвилось над селом оранжевое пламя пожара, сиреневый дым колеблется в небе.

Разогретый, как кипяток, воздух, нестерпимый зной, палящее солнце, жаркая канонада.

Дело ясно — еще немного и деревня будет сожжена. Бандиты должны сдатьсь.

Враг это, очевидно, понял хорошо и поспешно отступил. В Триполье воцарилась подозрительная тишина.

Соблюдая все необходимые военные предосторожности, красные отряды входят в село. Оно пусто.

Ушел не только враг—бандиты, но и почти все население. Только старики, больные и дети испуганно прятались по сараям и погребам.

Зачем, от кого они бегут?

Дело ясно: это — плоды провокаторской работы эсеров и петлюровцев, сумевших уговорить крестьян, что Красная армия—сплошь грабители и насилиники, руководимые „жидами-коммунистами“.

Но так или иначе, Триполье — зеленовская крепость — занято, оно стало красным Трипольем.

Недолго длилась радость блестящей победы!

„Продовольствие из Киева не получено, — гласило официальное сообщение, — его надо доставать самим...“

Среди красноармейской массы — как мы уже указывали, в большинстве сырой и политически неразвитой—начался ропот.

Они разбрелись по селу беспорядочными группами. Вспыхивали зловещие болотные огни недовольства.

Мучило горькое сознание: если бы в село вошла зеленая банда, кулаки накормили бы ее, свою защитницу. Но Красная армия — их враг, она несет власть рабочим и бедноте.

— Ничего нема, — единственный ответ, который получали красноармейцы в домах, куда они заходили просить поесть.

— Отправляют драться, а жрать не дают...

— Только пули насчет „социализма“ отлить умеют жидочки—комиссарики наши!

— Что нам, плохо, что ли, у батьки Григорьева жилось?..

— Да, вспомнишь поневоле наших атаманов...

Такие разговоры шопотком и даже открыто, делая вид, что не замечают комсомольцев, вела между

собой часть красноармейцев. И в самом деле, многие десятки этих „революционных“ бойцов побывали в кулацких отрядах бесчисленных левоэсеровских атаманов и атаманчиков, как вши, бродивших тогда по телу Украины. Попадая в плен к красным, перебегая с места на место, эти кулацкие сынки только в тылу притворялись преданными советской власти.

Теперь они показывали свое настоящее лицо.

Недовольство измученных, проголодавшихся людей переходило в озлобление. И если комсомольцы, в которых жило чувство революционного долга, терпеливо сносили лишения — ведь они шли в бой совсем не для сытного обеда, — то большая часть красноармейцев перестала стесняться. Они начали делать повальные обыски, подозрительно смахивавшие на простые грабежи. Уговоры не помогали, попытки комсомольцев наладить отношения с оставшейся частью населения также оказались тщетными. Появились кабаны, куры, свиньи, заискрились веселые костры, огонь которых мог оказаться опаснее тяжелых артиллерийских снарядов.

В засаде

Надвигалась ночь, мрачные тени гор, окружающих долину, в которой лежит Триполье, таили, казалось, неведомую опасность.

И вот две роты маршируют туда, в эти горы.

В засаду.

Мы последуем за ними.

Вскоре донесся грохот перестрелки с правого и левого флангов. Она становилась все взволнованнее и учащеннее.

„Предстоит серьезная операция, нужно ждать распоряжений командования“, напряженно думали комсомольцы в серых шинелях, с тревогой поглядывая на своих соседей,—проявлявших больше страха, чем готовности к бою.

„Да, это ненадежные резервы, но тем ответственнее наша задача,—решили про себя вчерашние делегаты комсомольского съезда,—быть цементом, соединяющим эти рыхлые куски“...

Следить, быть готовыми ко всему...

...—**Связь с правым флангом прервана!**—словно единым вздохом пронеслась по цепи тяжелая неожиданная весть.

Началась паника. Пули засвистели за спиной отряда, сидящего в засаде.

В чем дело, что это может означать? Глухо долетало громовое „ура“.

В Триполье — неладно.

Послышался топот бегущих стремительно ног.

— Стой! Кто идет?

— Братцы, братцы,—растрепанный, с прилипшими ко лбу волосами, бежал красноармеец и, еле переводя дыхание, прокричал:

— Братцы, зеленевцы в селе!.. Безжалостно расстреливают и убивают всех наших...

Подробности этого странного и страшного, но верного сообщения выяснились уже потом.

Перед нашим левым флангом, расположенным в окопах перед селом, показалась внезапно человеческая цепь.

Люди двигались ползком, прячась за естественные прикрития.

„Зеленовцы“, сообразили красноармейцы.

Началась беспорядочная стрельба,

— Где командир? Почему нет команды?! — неслись отовсюду встревоженные голоса.

Ротного командира не было.

— Огонь, стреляй по бандитам! — пытался командовать совсем растерявшийся полуротный.

Но бандиты выбирали хорошие позиции, они прятались за бугры, за кусты, заползали в ложбинки и подползали все ближе и ближе.

— Пали! Стреляй по ползущим! — истерически прокричал полуротный и внезапно, выскочив из окопа, бросился бежать обратно, в село.

Вконец растерявшиеся красноармейцы последовали за ним.

Вот они уже подбегают к селу. Там весело по-лыхало зоркое пламя ночных костров; вокруг, непринужденно развалившись, сидели ничего не подозревавшие бойцы, — им также никто не подал команды. Многие разбрелись в поисках пищи.

Внезапно на горе, где неходился наш правый фланг, они увидели толпу стремительно бегущих красноармейцев, спешивших за храбрецом полуротным, а за ними, преследуя их по пятам, мчались зеленевцы.

— Тревога! К ружьям!

Но было поздно. Зеленевцы уже не ползли, — нет, — они даже не бежали: это были неизвестно откуда взявшиеся всадники.

Словно повинувшись безмолвной команде, отовсюду — из погребов, чердаков, сараев — вылезали, выпрыгивали спрятавшиеся там бандиты. Мужики с лицами, перекошенными злобой и ненавистью, старики с развевающимися трясущимися бородами, вооруженные топорами, вилами, просто дубинами, как саранча, налетали, неслись отовсюду, и страшный зве-

риный крик их: „Ур-р-р-а!.. Ур-р-р-а-а!..“ сливался с сотнями истерических голосов женщин, стоявших у дверей своих хат и поощрявших мужей на безумную расправу.

Расправа

Под эти неистовые звериные вопли людей, охваченных непобедимым припадком классовой ярости, началась жесточайшая, дикая резня.

— Бей их, дави красных гадов!

Пошады не было никому. Красноармейцы, забывшие о своем революционном долге, бежали, как овцы, в панике, в страхе за свою жизнь забывая об оружии, о необходимости защищаться, пока их не настигал и не валил на месте удар топора или дубины.

И только две горсточку комсомольцев, находившихся в окопах и в селе, на отдыхе, пытались драться, оказать сопротивление, организовать отпор. Но их усилия оказались тщетными. Паники людей, думавших только о спасении своей собственной жизни, охваченных животным страхом, остановить уже было нельзя.

Комсомольские бойцы не бежали, они ни у кого не просили пошады.

И все они были безжалостно перебиты.

До позднего вечера продолжалась расправа.

Отовсюду вытаскивали спрятавшихся красноармейцев. Их мучили, волочили с хохотом и торжествующими воплями по улицам, пытали; классовый враг мстил, как только мог.

Кулачье торжествовало победу. Сельская беднота, бывшая в меньшинстве, молчала, она была бес-

сильна и могла в случае протеста только разделить участь избываемых.

Но вернемся в горы, на левый фланг, где мы оставили отряд ушедший в засаду.

Из рассказа прибежавшего из села красноармейца участники отряда поняли, что они погибли.

На землю упал вечер. Горстка безмолвных и угрюмых бойцов вышла из окопов. Приготовили винтовки, но стрелять уже невозможно—не видно, цели, нет смысла.

Душит бессильная злоба, в ярости сжимаются кулаки.

Нужно временно отступить. Куда? Путь один к Днепру. Кругом свистят пули: в темноте видно, как вспыхивали огоньки от выстрелов,— значит там, в Триполье, падают раненые и убитые.

Группа бойцов спустилась, падая и срываясь в темноте, с крутого берега и пошла к заливу Днепра под Трипольем.

Там, по колено в воде, уже стояли в напряженном ожидании несколько десятков комсомольцев.

Метались по берегу потерявшие голову красноармейцы, бросались в воду и пускались вплавь. Вот лодка—на ней могут поместиться человек восемь, но влезает пятнадцать, по бортам цепляются еще другие, лодка плывет несколько метров, круто накреняется, и все пассажиры ее падают в воду.

Совсем стемнело. К берегу подходят какие-то люди.

— Кто идет?

— Свои, свои, не бойтесь!—раздается приветливый, успокоительный ответ.

Бойцы идут навстречу: это бандиты, вооруженные до зубов. За ними волочатся несколько пулеметов.

Снова провокация!

— Сдавайтесь, а то всех перестреляем!..

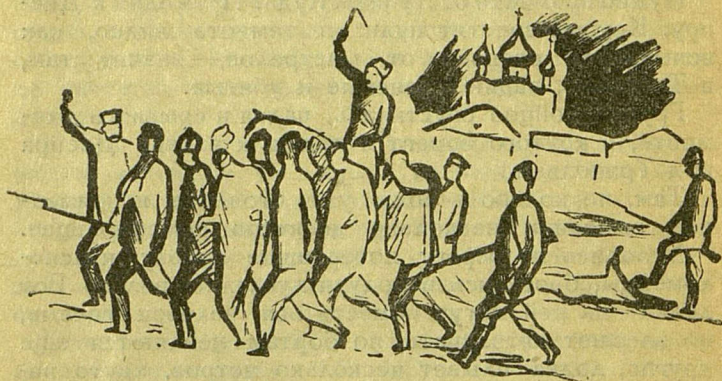
Комсомольцы поспешно кидают свои документы в воду. Лихорадочно работает мысль в поисках выхода. Что делать?.. Повернуть обратно, в реку— поздно, нельзя..

Участники отряда медленно, один за другим, выходят на берег. Бандиты окружают их тесным кольцом.

— Попались, большевики!

Посыпались первые удары прикладами и нагайками.

— Айда в село!

Пленный отряд шел по разрушенному Триполью. Ночь вступила в свои права. Луна бледным серебристым светом освещала догорающие развалины крестьянских хат. Живые шли мимо всюду валявшихся трупов, окровавленных и растерзанных, мимо беспомощно стонавших раненых и умирающих своих товарищей. Брань, толчки, удары, пинки, выстрелы — сливались в один жуткий концерт, который

люди-звери разыгрывали в прозрачной свежести прекрасной летней ночи.

Смерть всюду делала свое дело.

Несколько десятков комсомольцев шли на новые страдания и муки.

Их привели в центр села, на базарную площадь, где высятся большие каменные лавки и склады.

В „гостях“ у зеленцовцев

Началась первая ночь в „гостях“ у зеленцовцев.

Поминутно открывается дверь сарая, где, как сельди, набитые в бочку, помещаются участники захваченного на берегу отряда; беспощадные грубые руки вталкивают внутрь все новые группы окровавленных пленников.

Вскоре в наглухо захлопнутой и зорко охраняемой клетке нельзя было не только лежать или сидеть, но негде даже стоять.

И всю ночь не смолкали:

проклятия здоровых,
стоны и плач раненых,
крики умирающих.

Что сулит рассвет? Молодости, буйно цветущей юности, всем, в ком бьется сердце революционера, в ком кипит горячая большевистская кровь,— не страшна близость смерти, хотя настоящие революционеры совсем, совсем не хотят ее! Рассвет сулил нашим братьям надежду. И он, казалось, не обманул их.

Настало утро.

Что это? Пленники вслушиваются, затаив дыхание, в частый тревожный звон набатного колокола.

Бандитское село охвачено какой-то тревогой. Вот загрохотали орудия. Их несмолкаемый гул казался заключенным лучшей в мире музыкой, ибо то была музыка освобождения: выстрелы идут со стороны Днепра, это наступают наши бронепароходы подъехавшие к самому Триполю.

Наши немилосердно палят по бандитам, наши идут на выручку...

Ликование было коротким: раскрылись окна и двери тюрьмы, и на заключенных глянули оттуда дула пулеметов и винтовок. Дело ясно: зеленевцы собираются удирать, предварительно решив перестрелять всех пленников.

Это состояние мучительного ожидания продолжалось недолго—час, может быть два, но заключенным эти минуты казались вечностью.

Постепенно все стало стихать, замирал звон набата, стали удаляться звуки канонады.

Наши отступили.

Как ни странно, но это явилось для пленных отсрочкой прихода неотвратимо нависшей смерти.

Вскоре их всех выведут на площадь. Что еще предстоит пережить?..

Пленных ставят в шеренгу.

Раздается роковая команда:

— Жиды, кацапы (русские), коммунисты! Пять шагов вперед!

Ах, вот что? Ясно... Но раздумывать некогда. Ноги почти ста человек послушно отмерили требуемое расстояние и замерли в ожидании. Среди вышедших вперед—около половины комсомольцев.

Разыгрывается отвратительная сцена. Несколько человек из названных категорий, подлежащие по убеждениям бандитов, отравленных ядом националь-

ной ненависти, уничтожению только потому, что они являются еврейскими или русскими рабочими и крестьянами, остались стоять в строю.

Часть замерших от заячьего страха „воинов“, позоривших красноармейские шинели, надетые на них, решила выслужиться перед бандитами:

— А вот еще жидок...

— А вот кацап...

— Этот коммунист...—раздались голоса, и несколько человек показали поочередно на своих товарищей, стоявших рядом с ними в строю.

Несчастные ребята были немедленно зарублены на месте.

Добровольно сознавшихся в принадлежности к трем „преступным“ категориям отвели и снова заперли в тюремную клетку.

Остальных собрали отдельно. „Сам“ батько Зеленый выступил перед ними в гнусно-театральной роли бандитского проповедника с напутственной речью-лекцией, в которой он изложил свою несложную программу.

Затем „раскаявшихся“ отпустили на все четыре стороны, выдав даже какие-то специальные „охранительные“ удостоверения.

В самом деле, это жалкое отродье трудового народа было уже не опасно Зеленому. Назавтра многие из них, может быть, сами готовились стать—и станут наверняка—соратниками „социалистического“ бандита и убийцы.

О настоящих комсомольцах

„Жидам“ же, „кацапам“ и коммунистам-комсомольцам готовилось, видимо, что-то похуже, но вполне

отвечавшее возвышенным идейным принципам Зеленого.

Комсомольцы знали это,—они давно уже готовились к самому худшему. Ведь они были настоящими комсомольцами, а этим сказано все.

И потому они не падали духом, не плакали, не молили о пощаде.

Вы хотите знать, что представлял собой в те дни тип настоящего комсомольца?

Выслушайте же вот этот рассказ одного из участников драмы, разыгравшейся в „великом девятнадцатом году“ на холмах Триполья:

„Я, чудом вырвавшийся из когтей смерти, горжусь тем, что могу рассказать, как умирали наши юные коммунары, могу рассказать о героической гибели нашего вождя Миши Ратманского, окруженного целой толпой озверевших бандитов; лишь после того как он выпустил все свои патроны, последним он застрелил самого себя.

Вот, лежит тов. Бурштейн (из городского района). Пуля у него прошла над сердцем. Он еще жив, но какое спокойствие, улыбка на исхудавшем лице!

Вот М. Полонский. Пуля пробила ему руку у самого локтя, рука невероятно опухла, вся синяя; он долго крепился и... заплакал. Не из страха, нет: глядя на его измученное лицо, чувствуешь, что ему нечеловечески больно.

Вот встает бородатый, видно мобилизованный:

— Товарищи, давайте молиться богу.

В ответ мы пробовали только смеяться:

— Когда шли сюда, не верили в бога и теперь в него не верим.

К нам ввели командира полка и нашего военкома. Вот они обращаются к караульному:

— Поведелите нас к Зеленому, я ему укажу, где зарыты замки от орудий,—говорит командир.

— Я ему укажу, где спрятано знамя и дам список коммунистов,—добавляет военком.

Тогда встает тов. Шейнин и говорит:

— Мерзавцы, вы даже не можете показать нам, молодым, пример—мы вам его покажем!

Предателей увели. Среди нас не было ни одного изменника, ни одного труса, никто не жалел, хотя мы все знали, что пощады нам не будет, а только ждали, чтобы конец этот поскорее наступил.

Как прошла ночь, не знаю, потому что я, утомленный, не спавший несколько ночей, заснул крепким сном. Проснувшись наутро, я узнал, что человек тридцать за ночь куда-то увели. Уводили группами. Куда?..

Наутро оставшихся увели в деревушку Халупы, находящуюся в четырех километрах от Триполья, и посадили в просторную избу, где помещалось „волостное правление“.

Пришел к нам какой-то бандит, видно, эсер, и в течение часа читал нам лекцию о вреде коммуны. Мы знали, что нас должны расстрелять, и нам, конечно, было не до его напутственной лекции.

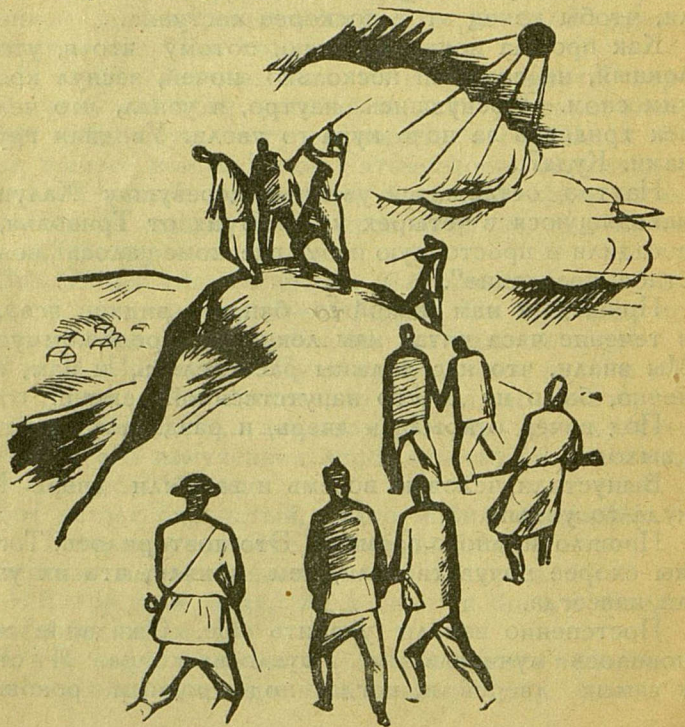
Под вечер открылась дверь, и раздалась команда: „выходи“.

Выпустили человек восемь и закрыли дверь. Их куда-то увели.

Прошло немного времени. Это повторилось. Тогда мы скорее почувствовали, чем поняли, что их увели навсегда.

Постепенно начали уводить еще. Ожидание становилось мучительным. Хотелось конца. Я стал у самых дверей и, когда под грозным роковым

окриком открыли дверь, вышел первым. За мной выпустили еще пять товарищей. Нас поставили вдоль стены и стали связывать попарно, рука к руке. Рядом со мной стоял Володя Дымерец. Я знал, что нас поведут к Днепру. Как прекрасный пловец я был уверен, что это меня спасет. Меня и Дымерца связывал старый крестьянин с рыжей бородой. Не знаю, почему, но я чуть ли не с плачем просил его, чтобы он связывал наши руки не крепко, говоря, что у меня рука болит.

Нас было три пары, связанных рука к руке. На каждую пару шел один бандит-зеленовец.

Темнело. При повороте перед нами открылся Днепр.

— Ну, коммунарики, теперь вы поплывете,—прошипел шедший позади нас зеленовец.

Предчувствие сменилось уверенностью. Подошли к берегу. Я и Дымерец были еще в верхней одежде, и бандит приказал нам раздеться. В то время, когда я одной рукой, дрожащей от волнения, снимал брюки, я видел, как другие два зеленовца прикладами бросали в воду остальных наших товарищей. И когда те барахтались в воде, зеленовцы по ним стреляли.

Раздевшись, мы, не ожидая приказа нашего бандита, бросились бежать в воду, развязывая по дороге телефонную проволоку, связывавшую нас рука к руке.

Мы оба умели хорошо плавать. А в воде мы уже очутились развязанными. Зеленовец, не спеша, подошел к берегу, приложил к плечу винтовку и начал в нас стрелять. У меня появились нечеловеческие силы. Я уже больше нырял, чем плыл.

— Фастовский, я ранен!—крикнул мне плывший рядом со мной Дымерец, у которого из уха текла кровь.

Не успел он это проговорить, как другая пуля разбила ему затылок. Я только успел заметить фонтан крови и почувствовал, что мне в лицо ударили куски его окровавленного мозга. Он пошел ко дну... Из всех шести на поверхности плавал только я один—все были перестреляны.

Зеленовцы стреляли уже только по мне, но было темно: на прицел они взять не могли, а течение успело меня далеко унести.

Пули свистали кругом меня. В момент ныряния, когда голова была под водой, а спина над ней, шальная пуля отхватила кусок мяса у меня на спине. Я только почувствовал, что меня что-то обожгло...

Я долго плыл... Передо мной была одна цель: противоположный берег Днепра. Зеленовцы уже перестали стрелять, потеряв меня из виду в темноте или же считая меня утонувшим. Было трудно плыть, а я еще был в нижнем белье. Силы мне уже хотели изменить, я уже отчаивался доплыть до берега. Наконец я почувствовал под ногами почву.

Измученный, почти без сил, добрался до берега. Я бы долго лежал на песке, но ночная сырость, увеличивающееся ощущение холода от мокрого белья, начавший вскоре накрапывать дождь—подняли меня. Это была страшная ночь...

Я бежал, размахивая руками, чтобы немного отогреться. Влезал на деревья, чтобы оттуда увидеть свет из какой-нибудь деревни, но всюду было темно. Дождь лил как из ведра, впереди необъятная даль среди кустарников и травы, влажных от дождя. И так всю ночь... Как я ее провел, не помню. Утро вернуло меня к нормальному состоянию. Наткнувшись на какую-то дорожку, я по ней пошел вперед.

Дороги я не знал, но приблизительно направился в сторону Днепра, откуда я легче мог бы притти в Киев. Так я скитался два дня. Когда я увидел деревню, я уже туда не пошел, а направился в обход. Вдали виднелся Днепр, и далеко за горизонтом я увидел дым от парохода.

Я бросился бегом к берегу. Пароход приближался. Я увидел на нем красный флаг¹...

¹ Из рассказа В. Фастовского в сборнике „Трипольская трагедия“, посвященном памяти погибших под Триполем.

Село Комсомолье

Мы читаем эти потрясающие строки, вспоминая, что недавно исполнилось десятилетие трипольской трагедии. Еще раньше мы праздновали десятилетие комсомола. И комсомолу есть что вспоминать, есть чем гордиться. Среди десятков и сотен подвигов, среди десятков тысяч смертей смерть восьми десятков молодых коммунаров под Триполем — навеки прекрасный эпизод, урок, который будет питать классовую ненависть многих поколений, ненависть, непреклонное мужество, большевистскую непримиримость.

Уже в те дни великих боев за судьбы Советской Украины гибель наших товарищей сделала свое дело.

Пламя классовой ненависти охватило тысячи киевских пролетариев, узнавших о гнусном истреблении комсомольского отряда. Многие организации, целые фабрики и заводы требовали от военного командования своей немедленной отправки на фронт для ликвидации Зеленого.

И вот, по прошествии известного времени удастся составить целую сводную дивизию, двинувшуюся по направлению к Триполю.

Новые сотни коммунистов и комсомольцев отправились рядовыми бойцами и политработниками в последний и решительный бой с бандами.

„Нетерпенье и жажда мести,— рассказывает бывший тогда особоуполномоченный по борьбе с Зеленым т. Скрипник,—звали скорей к наступлению.

Но оно началось только тогда, когда имелись действительные шансы на успех. Банды были жестоко разбиты, Триполье освобождено еще раз, и

наши победоносные отряды смогли наконец посетить печальные места гибели товарищей.

Но—дальше за врагом, нагнать его и уничтожить!..

После долгого преследования и мелких сражений банда была совершенно разбита и рассеяна. Отдельные бандиты вылавливались и судились организованными для каждого боевого участка революционными тройками.

Но сам Зеленый с шайкой человек в 300 бандитов прорвался на юго-запад и, разбив выставленный ему наперерез отряд, ушел к Петлюре для того, чтобы потом, уже во время деникинщины, погибнуть в каком-то столкновении с казаками.

* * *

Из каждого десятка комсомольцев восемь-девять человек становились тогда под ружье.

И случалось так, что из каждого десятка ставших под ружье восемь-девять наших товарищей оставались там, на полях боев и сражений.

На знаменах комсомола алеют капли крови его погибших сынов. Теперь в его стане два миллиона солдат — молодых рабочих и крестьянских сынов. Сейчас они продолжают дело своих братьев, сложивших под Трипольем свои головы за дело победы коммунизма во всем мире.

Буйно растет и веселая „смена смене“. Пионерия готовится войти в жизнь, в борьбу и работу, заступить места взрослеющих комсомольцев. Вместе со старшими братьями по классу, красные галстуки завершают то самое дело, за которое отдали свои прекрасные жизни юные герои Триполья и десятки тысяч бойцов на всех фронтах классовых битв.

И все так же стоит на боевом командирском мостике нестареющий капитан — большевистская гвардия. Столь же уверенной рукой держит она в своих руках руль корабля, идущего к социализму под всеми парусами, непрерывно ускоряя ход.

Так же стоит на своих местах боевая команда пролетариев и комсомольцев — краснофлотцев. На груди комсомольцев заслуженный по праву, добытый в суровых боях орден Красного знамени.

Уже близка заветная черта. Уже явственно очерчиваются берега страны социализма, дышащей трубами Днепростроев.

Нет, не даром падали под прикладами бандитских винтовок герои Триполья, не даром гибли они в холодных днепровских водах.

Мы творим сейчас мирное дело. Но мы будем из поколения в поколение передавать историю того, „как наши братья умирали“, и будем учиться у них быть революционерами, быть большевиками.

* * *

Над советской Украиной — членом братской семьи народов СССР — развевается красное знамя.

Теперь нет Триполья. Оно исчезло с лица земли. Нет Триполья. Оно умерло, и вместо него родилось Комсомолье.

И вот из Киева, родины трипольских героев, отправляются экскурсиями сотни молодежи в Триполье. Вот сельсовет, вот школа, вот здание партийной и комсомольской ячеек. Тихие мирные улицы, так же высятся холмы над Днпром. На этих улицах прикладами убивали наших ребят, безоружных и окровавленных. Вот с этого холма связанными

за руки попарно бросали комсомольцев озверелые бандиты.

На одной из узеньких улиц плакат с надписью: „За коммуны“; на этом месте был колодезь, в котором заживо погребены 30 комсомольцев.

У ворот села плакат с надписью:

СЕЛО КОМСОМОЛЬЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Будни	5
Зеленый хочет стать красным	7
„Я еду, записывай меня“	13
На Зеленого	15
Первая катастрофа	22
„Продовольствие не получено“	24
В засаде	27
Расправа	30
В „гостях“ у зеленцовцев	33
О настоящих комсомольцах	35
Село Комсомолье	41

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1000 S. EAST ASIAN BLDG.
CHICAGO, ILL. 60607
TEL: 773-936-3100
FAX: 773-936-3101
WWW.CHICAGO.LIBRARY.EDU

НЕ ЗАБУДЬ ПРОЧИТАТЬ!

Книжка, которую ты прочитал, написана для тебя. Понятно ли в ней изложено все, что ты хотел узнать? Все ли в ней сказано или, по твоему мнению, нехватает чего-либо? Прочитав эту книжку, ты, может быть, решил, что сам написал бы лучше, понятнее, полнее?

Если ты обо всем этом нам напишешь, мы учтем все твои указания и пожелания.

Воспользуйся для этого нижепомещенным вопросом, запомни его, вырежь и отправь по адресу, указанному на обороте.

Автор и название книги.....

1. Мне понравилось в этой книжке: .....

2. Мне не понравилось в этой книжке: .....

3. Непонятно изложено: .....

4. Мало сказано: .....

5. Почему не издаются книжки по вопросам: .....

ПОДПИСЬ:

Мой адрес:

Москва, ГСП 1, Новая пл., 6.
Изд-ву ЦК, МОК и ЛОК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
Бюро пропаганды книги

През. 1969

К.

18 коп.

60 =

